

Скромная
и застенчивая
Агнес становится
гувернанткой в богатой
семье. Избалованные дети
ужасают девушку своим
бессердечием. Но она продолжает
работать, несмотря ни на что.
Однажды Агнес знакомится
с молодым священником, Уэстоном.
Его слова рождают в ней неведомые
ранее чувства. Но вскоре девушка
вынуждена покинуть родные края.
Уэстон понимает, что, отпустив ее,
рискует потерять навсегда.
Если только судьба не даст
им шанса встретиться
снова...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7612-3

9 786171 276123

Энн Бронте

Агнес Грей

Энн Бронте

Агнес
Грей

A decorative border of black ink-drawn leaves and small flowers surrounds the text. The leaves are simple, pointed shapes, and the flowers are small, round buds on thin stems.

Энн Бронте

Агнес Грей

Перевод Ирины Гуровой

Роман

ХАРЬКОВ 2020 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Б88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Ирины Гуровой*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

ISBN 978-617-12-7612-3

- © Гурова И. Г., наследники, перевод на русский язык, 2020
- © DepositPhotos.com / Freire, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2020

Глава I

Дом при церкви

*В*се правдивые истории содержат мораль, хотя порой клад этот погребен очень глубоко и откопать его удастся не сразу, после чего он оказывается столь скудным, что иссохшее ядрышко не оправдывает усилий, потраченных на то, чтобы расколоть скорлупу. Такова ли моя история, судить не мне. Порой мне кажется, что она может принести пользу одним и развлечь других, но пусть свет сам вынесет свой приговор. Надежно укрытая безвестностью, прошедшими годами и вымышленными именами, я не боюсь откровенно поведать читателям о том, чего не открыла бы самой задушевной подруге.

Мой отец был священником на севере Англии, пользовался заслуженным уважением всех, его знавших, и в молодости жил безбедно на жалованье младшего священника небольшого прихода и деньги, которые приносило крохотное имение. Мама была дочерью помещика и вышла за него наперекор своим близким, но она умела поставить

на своем. Тщетно ее убеждали, что, соединив судьбу с неимущим служителем церкви, она должна будет отказаться от экипажа, от горничной, от роскоши и утонченности, даруемых богатством, — от всего, что с детства успело стать для нее необходимым. Экипаж и горничная, отвечала она, очень скрашивают жизнь, но, благодарение Небу, у нее есть ноги, и она сумеет добраться, куда ей понадобится, и у нее есть руки, чтобы самой делать для себя все, что нужно. Красивый дом и обширный парк — соблазн немалый, но она предпочитает жить в убогой хижине с Ричардом Греем, чем во дворце с кем-либо еще.

Убедившись в тщетности уговоров, ее отец в конце концов дал влюбленным согласие на их брак, раз уж им так заблагорассудилось, но предупредил, что тем самым его дочь лишится своей доли наследства. Подобная угроза, по его убеждению, должна была неминуемо охладить их пыл. Но он ошибся. Моего отца пленили душевные достоинства моей матери, он знал, какое сокровище найдет в ней, и был счастлив обрести ее на любых условиях, лишь бы она дала согласие украсить собой его скромный очаг. Она же готова была трудиться собственными руками, лишь бы не разлучаться с тем, кого полюбила, чье счастье с восторгом мечтала составить, с кем уже слилась сердцем и душой. И вот предназначавшаяся ей доля отцовского состояния пополнила кошелек ее более разумной сестры, отдавшей руку богатому набобу, она же, к удивлению

и сострадательному огорчению всех ее знавших, погребла себя в смиренном домике при деревенской церкви в... Однако, вопреки всему этому, вопреки вспыльчивости моей матери и чудачествам моего отца, вы, я уверена, могли бы обыскать всю Англию и не найти более счастливой супружеской пары.

Судьба послала им шестерых детей, но только Мэри, моя сестра, и я выдержали все опасности младенчества и раннего детства. Я была моложе Мэри на шесть лет и оставалась «деточкой» и любимицей всей семьи — папа, мама, сестра меня избаловали — нет, не глупой снисходительностью, которая сделала бы меня капризной и непослушной, а ласковой заботливостью, приучившей меня к беспомощности и зависимости от них и не подготовившей к жизненным заботам, ударам судьбы и невзгодам.

Мы с Мэри росли в строгом уединении. Мама, отлично образованная и деятельная, занималась нашим воспитанием сама и учила нас всему, кроме латыни, преподавать которую нам взялся папа, а потому в пансион нас не отдали. Подходящих для нас подруг в округе не было, и наше знакомство с миром ограничивалось чопорными чаепитиями в обществе наиболее зажиточных местных фермеров и лавочников (устраиваемыми только для избежания обвинений в чванстве) да ежегодными поездками к дедушке по отцу, в чьем доме, кроме него самого, добрейшей нашей бабушки, незамужней тетушки да двух-трех

пожилых дам, мы никого не видели. Иногда мама развлекала нас рассказами о своей юности, о всяких забавных происшествиях. Мы обе очень любили их слушать, и — во всяком случае, во мне — они часто пробуждали тайное желание самой повидать белый свет.

Как счастлива была в юности мама, думалось мне, однако она как будто не жалела о былом. Но папа, человек по натуре чуждый беспечной бодрости, часто беспричинно мучил себя мыслями о жертвах, которые принесла ему его милая жена, и без конца ломал голову над тем, как бы ради нее и нас с Мэри пополнить свои скромные доходы. Тщетно мама уверяла его, что всем довольна. Пусть он только откладывает кое-что на будущее для девочек, и мы ни в чем не будем нуждаться ни теперь, ни потом. Но умением экономить и откладывать мой отец совсем не обладал. Он не входил в долги (то есть мама внимательно следила, чтобы этого не случилось), но полагал, что деньги, пока они есть, надо тратить. Ему нравилось, что его дом хорошо обставлен, жена и дочки нарядно одеты и не вынуждены утруждать себя черной работой. Кроме того, он был очень добр и любил помогать неимущим в меру своих средств — и даже не в меру, как, возможно, считали некоторые.

И вот однажды любезный знакомый предложил ему способ разом удвоить его состояние, чтобы затем оно продолжало увеличиваться, сколько он ни пожелает. Знакомый этот был

купцом очень предприимчивым и дальновидным, однако недостаток оборотного капитала несколько ограничивал его замыслы. Он щедро предложил моему отцу честную долю своих прибылей, если только тот доверит ему большую часть своего состояния: какой бы ни оказалась эта сумма, он ручается, что увеличится она по меньшей мере вдвое. Папа незамедлительно обратил свою недвижимость в деньги и все их вручил обязательному купцу, который тут же начал грузить корабль и готовить его в плавание.

Папа, да и мы все с восторгом думали о том, что сулит нам будущее, хотя должны были довольствоваться отныне лишь жалованьем младшего священника. Впрочем, папа полагал, что нам вовсе не обязательно сокращать свои расходы до такой мизерной суммы, и вот, записывая на книжку у мистера Джонсона, у Смита и у Хобсона, мы зажили даже лучше, чем прежде, хотя мама полагала, что нам следует держать себя в границах, так как надежды на богатство оставались все-таки зыбкими, — пусть только папа положится на ее умение вести хозяйство, и ему не придется ни в чем себя урезать. Однако он против обыкновения не желал ничего слушать.

Какие счастливые часы проводили мы с Мэри, сидя с рукодельем у огня, гуляя по вересковым холмам или отдыхая под плакучей березой — единственным более или менее тенистым деревом в нашем садике! Мы говорили о грядущем счастье — и нашем, и наших родителей, о том, что

мы будем делать, что увидим, чем обзаведемся, а фундаментом наших воздушных замков были богатства, которыми одарят нас успешные торговые сделки почтенного купца. Папа тешил себя мечтами почти как мы, хотя и делал вид, будто просто посмеивается над нами, облекая свои радужные надежды и гордые ожидания в шуточки и поддразнивания, которые мне казались необыкновенно остроумными и милыми. Мама весело смеялась, радуясь его радости, но ее томили опасения, что он слишком уж много ждет от своей затеи, — однажды я услышала, как она прошептала, выходя из комнаты:

— Дай-то Бог, чтобы его не постигло разочарование. Просто не знаю, как он выдержит!

Но разочарование его постигло. И жестокое. Словно гром с ясного неба пришло известие, что корабль, на который мы так уповали, потерпел крушение и утонул со всем грузом, несколькими матросами и злополучным купцом.

Я горевала о его гибели, я горевала о наших рассыпавшихся в прах воздушных замках, но молодость отходчива, и вскоре я совсем оправилась от этого удара.

Хотя в богатстве была своя прелесть, бедность нисколько не страшила меня, молоденькую и совсем не знавшую жизни. Напротив, сказать правду, в мысли о нужде, с которой нам предстояло бороться, крылось что-то вдохновляющее. Я лишь жалела, что папа, мама и Мэри не разделяют мою точку зрения: ведь тогда бы вместо того, чтобы

сетовать и оплакивать прошлые бедствия, мы могли бы, не унывая, взяться за дело вместе, чтобы все поправить, — и чем больше поджидало нас трудностей, чем горше было наше положение, с тем большей бодростью следовало нам сносить его и с тем большим упорством преодолевать эти трудности.

Мэри не сетовала вслух, но постоянно размышляла о случившемся и в конце концов погрузилась в тихую грусть, которую не могли рассеять никакие мои усилия. Убедить ее, как я убедила себя, что тут есть и своя светлая сторона, мне не удалось бы. А впрочем, опасаясь обвинений в детском легкомыслии или глупой бесчувственности, я старательно прятала свои умные выводы и бодрящие мысли, прекрасно зная, что одобрены они не будут.

Мама думала лишь о том, как утешить папу, уплатить долги и сократить насколько возможно наши расходы, но папа был совершенно сломлен обрушившимся на нас несчастьем — здоровье, силы, твердость духа не выдержали подобного удара, и он так до конца и не стал прежним. Тщетно мама старалась его ободрить, взывая к его благочестию, к его мужеству, к его любви, отданной ей и нам. Любовь эта обернулась для него величайшей мукой: ведь богатства он столь пылко жаждал лишь ради нас, лишь мысль о нас придавала его былым надеждам столь ослепительный блеск, а его разочарование сделалось таким жестоким. Он терзался и упрекал себя, что

не послушался маминых советов, которые хотя бы избавили его от дополнительного бремени долгов; он винил себя за то, что позволил ей отказаться от роскоши и довольства — чего ради? Чтобы она теперь разделяла с ним все заботы и труды нищеты! Его угнетала мысль, что наделенная всеми светскими талантами красавица, которая в юности знала лишь поклонение и восхищение, теперь превращена в подобие прислуги, что руки ее заняты домашней работой, а голова — расчетами, как и на чем можно сэкономить. Готовность же, с какой она исполняла подобные обязанности, бодрость, с какой она переносила невзгоды, доброта, с какой она избегала и тени упрека, лишь подхлестывали этого искусного самобичевателя. Вот так дух терзал плоть и расстраивал нервы, а они в свой черед усугубляли смятение духа, и так продолжалось, пока его здоровье не потерпело серьезный ущерб. И никому из нас не удавалось убедить его, что наше положение далеко не так мрачно и безнадежно, как рисовало ему болезненное воображение.

Практичную коляску продали вместе с крепким сытым коньком, нашим общим любимцем, — как твердо верили мы прежде, что он кончит свои дни у нас на покое и мы никогда-никогда не отдадим его в чужие руки! Маленький каретник сдали внаем вместе с конюшней, лакей и более опытная (а потому и более дорогая) горничная были уволены. Наши платья чинились, перелицовывались и штопались почти до неприличия; наша

пища, и ранее всегда простая, теперь стала совсем уж неприхотливой — не считая двух-трех любимых блюд папы; уголь и свечи строго экономились. Вместо двух свечей — одна, которая почти не зажигалась, уголь всячески сберегался, особенно когда папа отсутствовал по делам прихода или лежал больной в спальне — в таких случаях мы ставили ноги на каминную решетку, сгребали скудные тлеющие угли в кучку и подсыпали полсовка угольной пыли и крошева, только когда они грозили вовсе угаснуть. Ковры совсем истерлись, а заплат и штопки на них было даже больше, чем на нашей одежде. Чтобы не тратить на садовника, мы с Мэри возделывали огород, а стряпней и уборкой, с которыми одна служанка справиться не могла, занимались мама с Мэри, иногда прибегая к моей помощи. Но лишь иногда, потому что, хотя я-то считала себя взрослой, они все еще видели во мне маленькую девочку. К тому же мама, как почти всегда случается с деятельными домовитыми женщинами, не привила эти качества своим дочерям — и по весьма простой причине: слишком уж умелой и хорошей хозяйкой была она сама, а потому не только не любила перепоручать что-либо другим, но, напротив, предпочитала думать и делать все за них. О чем бы ни шла речь, ей казалось, что никто не сумеет справиться с делом как следует, и обычно, предлагая себя ей в помощницы, я слышала ответы вроде: «Нет, душенька, это не для тебя, ты не сумеешь. Лучше помоги сестре или пойдись с ней

погулять — скажи, что нельзя все время сидеть дома, не то она совсем исхудает и поблекнет».

«Мэри, мама говорит, чтобы я тебе помогла или пошла бы с тобой погулять. Она говорит, что ты совсем исхудашешь и поблекнешь, если будешь все время сидеть дома».

«Помочь мне, Агнес, ты не сумеешь, а пойти погулять с тобой я никак не могу, потому что у меня очень много дел».

«Так поручи мне что-нибудь!»

«Деточка, это не для тебя. Пойди повтори гаммы или поиграй с котенком».

Шитья, правда, всегда было вдоволь, но кроить меня не научили, я умела только подрубать да знала один-два самых простых шва, а потому и тут помочь толком не могла. Мама же и Мэри хором утверждали, что проще сделать все самим, чем оставлять что-то для меня, и к тому же им гораздо приятнее смотреть, как я совершенствуюсь в своих знаниях или развлекаюсь — у меня еще будет время сутулиться над работой, точно старушка, когда мой любимый котенок станет чинной пожилой кошкой. Таким образом, хотя пользы от меня было немногим больше, чем от котенка, мое безделье имело некоторое оправдание.

За все время наших невзгод я лишь один раз слышала, как мама посетовала на то, что у нас нет денег. Однажды весной она сказала нам с Мэри:

— Как было бы хорошо вашему отцу провести несколько недель на курорте! Морской воздух и перемена обстановки, конечно, принесли бы ему

огромную пользу. Но ведь вы знаете, что у нас нет таких денег, — закончила она со вздохом.

Нас обеих увлекла эта мысль, и мы горько сожалели, что она не может осуществиться.

— Ну-ну, — сказала мама, — жалобами делу не поможешь. А вот что-нибудь придумать нам, может быть, и удастся. Мэри, ты же прекрасно рисуешь! Так почему бы тебе не нарисовать еще несколько акварелей в лучшем своем стиле, не вставить их в рамочки вместе с теми, которые уже у тебя есть, и не попробовать предложить их какому-нибудь почтенному торговцу картинами, у которого хватит ума распознать их достоинства?

— Мама, я была бы очень рада, если, по вашему мнению, их купят, и не совсем уж за гроши.

— Во всяком случае, попытаться стоит, душечка. Рисуй акварели, а я подыщу покупателя.

— Как бы и мне хотелось чем-нибудь помочь! — сказала я.

— Неужели, Агнес? А впрочем, как знать! Ты тоже рисуешь недурно, и если подберешь какой-нибудь простенький сюжет, то, наверное, выйдет очень мило.

— Но я думала совсем о другом, мама, и уже давно, но только мне не хотелось об этом говорить.

— Ах, вот как! И о чем же?

— Мне бы хотелось стать гувернанткой.

Мама ахнула и засмеялась. Мэри от удивления уронила шитье и воскликнула:

— Ты — гувернантка, Агнес? Да как это тебе в голову пришло?

— А что тут такого? Разумеется, учить больших девочек я не гожусь, но маленьких, наверное, сумею. И мне очень хочется! Я так люблю детишек! Мама, ну, разрешите мне!

— Милочка, но ты еще не научилась заботиться даже о себе. А маленькие дети требуют гораздо больше и умения, и опыта, чем дети постарше.

— Мама, мне уже девятнадцатый год, и я сумею заботиться и о себе, и о других. Вы просто не знаете, какая я благоразумная и рассудительная, поэтому что у меня не было случая доказать это.

— Только представь себе, — сказала Мэри, — каково тебе придется в чужом доме, где не будет ни меня, ни мамы, и ты должна будешь все делать и говорить сама за себя! Да еще ухаживать за кучей детей. И попросить совета тебе будет не у кого. Ты ведь даже не будешь знать, как одеться!

— Ты так думаешь, потому что я всегда все делаю так, как ты мне говоришь, и ничего не могу решать за себя. Но испытай меня, я ведь ничего другого не прошу, и ты увидишь, как я справляюсь!

Тут вошел папа, и ему объяснили, о чем идет речь.

— Как! Моя малютка Агнес — гувернантка? — вскричал он и рассмеялся, на минуту забыв обычную грусть.

— Да, папа. И пожалуйста, хоть вы не возражайте! Мне так хочется, и я верю, что у меня все пойдет отлично.

— Но, деточка моя, ты нужна нам дома! — На глазах у него блеснули слезы, и он добавил: — Нет, нет! Как бы нам ни было тяжело, до этого мы еще не дошли!

— Разумеется, — сказала мама. — В этом нет ни малейшей нужды. Просто глупенькая прихоть. А потому прикуси язычок, гадкая девочка: хотя ты и готова нас покинуть, но мы с тобой расстаться никак не можем, и ты это знаешь.

И мне пришлось замолчать. На много дней. Но я не могла отказаться от своего заветного плана. Мэри теперь усердно писала акварели. Я тоже сидела с кисточками и красками, но мысли мои витали далеко. Как было бы чудесно стать гувернанткой! Увидеть мир! Начать совсем новую жизнь, самой все решать за себя, дать применение своим пропадающим втуне способностям, испробовать свои силы, самой содержать себя, откладывая что-то для папы, мамы и сестры, освободив их от необходимости кормить меня и одевать! Показать папе, чего может достигнуть малютка Агнес! Убедить маму и Мэри, что я вовсе не такая беспомощная и пустоголовая, какой они меня считают! Мне доверят заботиться о детях, учить их и воспитывать — как это чудесно! Вопреки всем возражениям я не сомневалась, что такая задача мне по плечу: ясные воспоминания о моих, собственных детских мыслях и чувствах послужат мне куда более надежной опорой, чем наставления самого зрелого советчика. Стоит только вообразить себя на месте моих маленьких учениц,

и я сразу пойму, как завоевать их доверие и привязанность, как пробудить раскаяние шалуньи, как ободрить застенчивую, как утешить обиженную, как сделать Благонравие привычкой, Учение — увлекательным занятием, а Религию — понятной и дивной!

...Чудесный долг!

Учить младую мысль, как расцвести!

Лелеять юные деревца и наблюдать, как день за днем развертываются их свежие листочки!

И я решила не отступить от своего чарующего плана, хотя страх рассердить маму или огорчить папу вынуждал меня довольно долго хранить молчание. В конце концов я заговорила о нем наедине с мамой и не без труда добилась от нее обещания помочь мне в моих намерениях. Затем с большой неохотой дал свое разрешение папа, и, хотя Мэри все еще неодобрительно вздыхала, моя милая добрая мама начала подыскивать место для меня. Она написала родственникам папы и начала проглядывать объявления в газетах — со своими родственниками она давно уже не поддерживала никаких отношений. После ее замужества связь с ними ограничивалась редким обменом вежливыми письмами, и о том, чтобы обратиться к ним с подобным делом, разумеется, речи быть не могло. Однако мои родители так долго жили вдали от мира, что прошли месяцы, прежде чем нашлось что-то подходящее. Но наконец, к моей великой радости, мне было предложено взять на себя заботу о птенчиках некой

миссис Блумфилд, которую моя добрая чопорная тетушка Грей, знававшая ее еще совсем молодой, аттестовала как очень приятную женщину. Правда, муж ее, торговец, удалившийся от дел, нажив кругленькое состояньице, не желал платить наставнице своих детей больше двадцати пяти фунтов. Я, однако, была рада дать согласие, хотя мои родители полагали, что мне следовало бы отказаться.

Несколько недель пришлось посвятить приготовлениям. Какими длинными, какими скучными показались они мне! Хотя в целом были счастливым временем, полным светлых надежд и пылких ожиданий. С каким удовольствием помогала я шить мой новый гардероб, а потом и укладывать мои сундучки! Впрочем, к последнему уже примешивалась горечь, а когда вещи были уложены и все было готово к моему отъезду наутро, какая страшная тоска вдруг переполнила мне сердце! Мои близкие смотрели на меня так печально и говорили со мной так ласково, что я с трудом сдерживала подступавшие к горлу слезы, но продолжала делать веселый вид. В последний раз я погуляла с Мэри по вересковым склонам, в последний раз обошла садик и дом. Вместе с ней покормила голубей — таких ручных, что они сидели нам на ладони, — а когда они вспорхнули мне на колени, я погладила на прощание все их шелковистые головки. Моих же любимцев — пару белоснежных красавцев — нежно поцеловала. Я сыграла последнюю мелодию на стареньком

любимом фортепьяно и в последний раз спела папе романс — то есть я надеялась, что не в последний, но до следующего раза было так еще далеко! И как знать, может быть, тогда все это я буду делать с совсем иным чувством: обстоятельства могут измениться, и этот дом уже навсегда останется для меня лишь временным приютом. Моя же киска, моя милая подружка, уж конечно, станет другой. Ведь она и теперь почти взрослая кошка, а к Рождеству, когда я приеду домой погостить, наверное, давно забудет и товарку своих игр, и все свои умерительные проказы. Я в последний раз затеяла с ней возню, а потом сидела, поглаживая ее пушистую шерстку, пока она, помурлыкав, не уснула у меня на коленях — и уж тут мне было трудно скрыть свою грусть. А когда пришло время ложиться и я ушла с Мэри в нашу тихую спальню, где мои ящики и мои полки в книжном шкафу были совсем пустыми — и где Мэри, как она выразилась, теперь предстояло спать в тоскливом одиночестве, — на сердце у меня стало совсем уж тяжело. Мне почудилось, что я поступаю себялюбиво и дурно, покидая ее, и когда я в последний раз опустила на колени возле нашей кровати, то молилась о ней и наших родителях с незнакомым мне прежде жаром. Чтобы ничем не выдать свои чувства, я спрятала лицо в ладони, и они тут же стали мокрыми от слез. Поднимаясь с колен, я увидела, что Мэри тоже плакала, но мы обе промолчали и только теснее прильнули друг к другу, когда легли, потому что так скоро нас ждала разлука.

Однако утро вновь принесло надежды и бодрость духа. Отъезд был назначен на ранний час, чтобы увозивший меня экипаж (двуколка, нанятая у мистера Смита — суконщика, бакалейщика и торговца чаем в нашей деревушке) успел вернуться в тот же день. Я встала, умылась, оделась, наспех позавтракала, расцеловалась с папой, мамой и Мэри, поцеловала киску — к большому возмущению Салли, нашей служанки, пожала руку ей, забралась в двуколку, опустила вуаль и тогда — но только тогда! — залилась слезами. Двуколка покатила по дороге. Я оглянулась.

Милая мама и милая Мэри все еще стояли в дверях и махали мне вслед. Я помахала им и от всей души призвала на них благословенье Божье. Но тут мы начали спускаться с холма и они скрылись из виду.

— Утро-то для вас холодновато, мисс Агнес, — заметил мистер Смит. — Вон и небо хмурится. Ну, да ничего, домчим вас туда, прежде чем дождик припустит как следует.

— Да, конечно, — ответила я, стараясь говорить спокойно.

— Ночью-то сильно лило.

— Да.

— Ну, ветер хоть и холодный, а дождь, пожалуй что, и разгонит.

— Наверное.

На этом наша беседа закончилась. Долина осталась позади, и мы начали подниматься на противоположный склон. Я оглянулась и увидела

колокольню, а за ней наш старый серый дом, на который как раз упал солнечный луч. Один-единственный — деревушка и холмы вокруг были в глубокой тени. Я обрадовалась, словно доброму предзнаменованию, и, сложив ладони, вновь призвала благословение на его обитателей, но тут же поспешно отвернулась, потому что луч заскользил прочь, а видеть дом погруженным в угрюмый сумрак мне не хотелось.

Глава II

Первый урок в искусстве воспитания

Двуколка катила вперед, ко мне вернулась бодрость, и я с удовольствием обратилась мыслями к новой жизни, которая меня ожидала. Но хотя еще только начиналась вторая половина сентября, из-за плотных туч и сильного северо-восточного ветра было очень холодно, и путь казался очень длинным, тем более что, как выразился Смит, дороги были «негодящие». Как и его лошадь — она еле-еле взбиралась по склону, вниз спускалась тихими шажками, а легкой рысцей утруждала себя, только когда дорога была ровной, как стол, или чуть наклонной, что в холмистой местности редкость, а потому до цели мы добрались лишь к часу дня. Едва мы, проехав внушительные чугунные ворота Уэлвуда, плавно покатали по гладкой, хорошо утрамбованной подъездной аллее между зелеными лужайками в купах молодых деревьев и увидели впереди

среди платанов новый, но величественный дом, как мне снова стало страшно, и я пожалела, что он не расположен на несколько миль дальше. Впервые в жизни я осталась совсем одна, но отступать было поздно. Я должна войти в этот дом и жить с этих пор среди его неведомых мне обитателей. Но как? Хотя мне уже почти исполнилось девятнадцать, наша уединенная жизнь и ласковые поечения мамы и сестры плохо подготовили меня к этому, и я понимала, что многие девочки пятнадцати лет и даже моложе держались бы на моем месте с куда большей непринужденностью, уверенностью в себе и женским тактом. Впрочем, если миссис Блумфилд добра и радушна, то я как-нибудь справлюсь; с детьми, разумеется, я вскоре буду чувствовать себя совсем свободно, ну а мистер Блумфилд... оставалось только надеяться, что видеть его я буду редко.

«Будь спокойной, будь спокойной!» — твердила я про себя и с таким усердием выполняла этот совет, так старательно приводила в порядок свои нервы и утишала биение непослушного сердца, что не сразу сообразила ответить на вежливое приветствие миссис Блумфилд, когда меня проводил к ней открывший дверь лакей. А когда, точно во сне, пробормотала несколько слов, голос мой, вспоминала я потом, мог бы принадлежать умирающей. Впрочем, хозяйка дома, как я обнаружила, едва обретя способность что-то понимать, приняла меня довольно холодно. Она оказалась высокой, сухопарой, чопорной дамой

с густыми черными волосами, ледяными серыми глазами и очень нездоровым цветом лица.

Однако она достаточно вежливо сама поднялась со мной в мою комнату и оставила там, чтобы я могла привести себя в порядок. Увидев себя в зеркале, я ужаснулась: от холода мои руки покраснели и опухли, ветер спутал развившиеся волосы и придал моему лицу лиловатый оттенок. Добавьте к этому, что мой воротничок безобразно измялся, а платье было забрызгано грязью, как и новые ботинки на толстой подошве. Но мои сундучки еще не принесли, и мне оставалось только пригладить волосы, насколько это было возможно, кое-как расправить упрямый воротничок, спуститься, громко топая, по двум лестничным маршам и, утешаясь философскими размышлениями, не без труда отыскать комнату, где меня ожидала миссис Блумфилд.

Она проводила меня в столовую, где стол еще не был убран после семейного второго завтрака. Передо мной поставили тарелку с куском бифштекса и полуостывшим картофелем, и пока я подкрепляла свои силы, миссис Блумфилд, сидя напротив, наблюдала за мной (как мне казалось) и пыталась поддерживать что-то вроде разговора, сухо произнося общепринятые фразы. Но, возможно, вина была моя: у меня просто не было сил разговаривать. По правде говоря, все мое внимание поглощал бифштекс, но не потому, что меня терзал голод — просто он оказался очень жестким, а после пяти часов на холодном ветру руки

меня почти не слушались. С какой радостью я ограничилась бы одним картофелем! Но было бы невоспитанным оставить бифштекс нетронутым. После бесчисленных тщетных попыток разрезать его ножом, разорвать вилкой или справиться с ним при помощи обоих этих инструментов — и все под взглядом грозной дамы напротив — я в отчаянии зажала нож и вилку в кулачках, точно двухлетний ребенок, и пустила в ход последние оставшиеся у меня силы. Сознывая, что мне следует как-то оправдаться, я испустила слабый смешок и сказала:

— Руки у меня так окостенели от холода, что мне даже трудно держать нож и вилку.

— Да, погода сегодня довольно холодная, — ответила она с ледяной невозмутимостью, которая отнюдь меня не ободрила.

Когда церемония завершилась, миссис Блумфилд увела меня в гостиную и послала за детьми.

— Вы, вероятно, найдете их знания несколько недостаточными, — сказала она. — Но у меня почти нет времени самой заниматься с ними, а для гувернантки они были, по нашему мнению, еще малы. Однако, мне кажется, они умны и очень понятливы, особенно мальчик. Право же, он украшение любой детской — благородный, с возвышенной душой. Им следует руководить, но не командовать. Нет, он просто удивителен! Всегда говорит правду и презирает всякий обман. («Прекрасно!» — подумала я.) Его сестра, Мэри Энн, — продолжала миссис Блумфилд, — требует внимательного наблюдения, но тоже очень хорошая девочка. Только

я желала бы, чтобы она как можно реже бывала в детской. Ей ведь уже почти шесть лет, и она может перенять у няньки дурные привычки. Я распорядилась, чтобы ее кроватку поставили к вам в комнату, и, если вы будете столь любезны, что сами станете следить за ее умыванием, одеванием и одеждой, она обойдется совсем без няньки.

Я ответила, что с удовольствием возьму все это на себя, и тут в комнату вошли мои ученики в сопровождении младших сестричек. Мастер Том Блумфилд оказался рослым семилетним крепышом с льяными волосами, голубыми глазами, курносый носом и розовыми щеками. Мэри Энн тоже отличалась высоким для своего возраста ростом. Она унаследовала темные волосы матери, но лицо у нее было круглым и румяным. Фанни, ее младшая сестра, показалась мне очень хорошенькой. Миссис Блумфилд объяснила, что она очень кроткий ребенок и нуждается в ободрении. Она еще ничему не училась, но на днях ей исполняется четыре года, и тогда ей придет пора братья за азбуку и заниматься в классной комнате. Самая младшая, Харриет, толстенькая, веселая, ласковая двухлетняя крошка, обворожила меня больше остальных — но она оставалась на попечении няни.

Я заговорила с моими маленькими учениками как могла приветливее и попыталась им понравиться, но, боюсь, без особого успеха, так как присутствие их маменьки очень меня стесняло. Они же, напротив, были на удивление лишены застенчивости и казались бойкими, живыми детьми. Я от души

надеялась, что скоро завоюю их симпатии — особенно мальчика, которого мать представила в таком привлекательном свете. В Мэри Энн я с сожалением заметила неприятное кокетство, желание привлечь к себе внимание. Но мной всецело завладел ее брат. Заложив руки за спину, он стоял между мной и огнем и рассуждал, как заправский оратор, иногда отвлекаясь от темы, чтобы прикрикнуть на сестер, если они пытались его перебить.

— Ах, Том, душечка! — воскликнула его маменька. — Подойди, поцелуй мамочку, а потом не хочешь ли ты показать мисс Грей свою классную комнату и свои хорошенькие новые книжки?

— Целовать тебя, мама, я не хочу, но я покажу мисс Грей мою классную комнату и мои новые книжки.

— И мою классную комнату, и мои новые книжки, Том, — вмешалась Мэри Энн. — Они тоже мои, мои!

— Нет, мои, — ответил он решительно. — Идемте, мисс Грей. Я вас провожу.

Когда комната и книжки были показаны под перепалку между братом и сестрой, продолжавшуюся несмотря на мои усилия положить ей конец, Мэри Энн принесла показать мне свою куклу и начала подробно рассказывать, какие у кукол красивые платьица, какая кроватка, какой комодик и еще всякие разные вещи. Однако Том скоро приказал, чтобы она перестала трещать — мисс Грей должна посмотреть его коня, которого он с важным видом притащил из угла, громогласно

требуя моего внимания. Велев сестре подержать поводья, он взгромоздился на коня и заставил меня десять минут смотреть, как он качается, не жалея хлыста и шпор, точно лихой кавалерист. Впрочем, я ухитрилась одновременно полюбоваться куколкой Мэри Энн и всеми ее платьицами, а потом сказала мастеру Тому, что он отличный наездник, но я надеюсь, что, катаясь на живом пони, он не будет так жестоко хлестать его и шпорить.

— Обязательно буду! — ответил он, удваивая усилия. — Я его хорошенько отделаю. И-их! Он у меня попотеет, слово благородного человека!

Меня его ответ неприятно поразил, но я с надеждой подумала, что со временем сумею пробудить в нем добрые чувства.

— А теперь надевайте шляпку и шаль! — распорядился юный герой. — Я покажу вам мой садик.

— И мой! — крикнула Мэри Энн.

Том угрожающе занес кулак, девочка громко взвизгнула, убежала в другой конец комнаты и показала братцу язык.

— Но, Том, ты же, конечно, не ударишь свою сестричку! Надеюсь, мне ничего подобного видеть не придется.

— Нет, придется. Иногда. Я же должен следить, чтобы она хорошо себя вела.

— Но ведь следить за этим не твое дело, а...

— Идите наденьте шляпку!

— Право же... погода такая холодная, пасмурная. Вот-вот начнется дождь... И ты знаешь, я ехала так долго...

— Ну и пусть, а пойти вы должны: никаких извинений я не приму, — ответил высокомерный маленький джентльмен.

В честь первого дня нашего знакомства я решила уступить его прихоти. Мэри Энн выходить на такой холод было никак нельзя, и она осталась с любящей маменькой — к большому удовольствию ее братца, который не желал делить мое внимание ни с кем другим.

Сад оказался обширным и устроенным с большим вкусом. Еще цвели великолепные георгины и некоторые другие поздние цветы, но мой маленький спутник не дал мне времени полюбоваться ими, а потащил по мокрой траве в дальний отгороженный угол, самое замечательное место здесь, ибо там находился его собственный садик. Я увидела две круглые клумбы с разными растениями — в середине одной поднималось прелестное розовое деревце — и остановилась взглянуть на чудесные розы.

— Да идите же! — сказал мастер Том с невыразимым презрением. — Это всего только сад Мэри Энн. А вот МОЙ!

После того как я рассмотрела там каждый цветок и выслушала лекцию о каждом растении, мне было разрешено удалиться. Но прежде он величественно сорвал астру и вручил ее мне, словно удостоивая меня великой чести. Тут я, заметив в траве какие-то сооружения из палочек и шнурков, спросила, что это такое.

— Силки для птиц.

— Но для чего ты их ловишь?

— Папа говорит, что они вредные.

— А что ты с ними делаешь, когда поймашь?

— Всякое. Иногда скармливаю кошке, иногда режу на кусочки моим перочинным ножиком. А вот следующую поджарю живьем.

— Но почему ты придумал такую ужасную вещь?

— Ну, я хочу поглядеть, сколько времени она проживет. А потом попробовать, какой у нее вкус.

— Но разве ты не знаешь, что поступать так дурно? Вспомни, птички ведь чувствуют боль так же, как и ты. Неужели тебе понравилось бы оказаться на их месте?

— Подумаешь! Я ведь не птица. И что бы я с ними ни делал, сам я ничего не чувствую.

— Но и тебе придется когда-нибудь это почувствовать, Том! Ты же знаешь, куда попадают дурные люди, когда умирают. И если ты не перестанешь мучить бедных, ни в чем не повинных птичек, то попадешь туда и будешь страдать, как заставлял страдать их!

— А вот и нет! Никуда я не попаду. Папа знает, что я с ними делаю, и никогда меня за это не бранит. Он говорит, что тоже их ловил, когда был маленьким. А летом он принес мне гнездо с воробьятами и смотрел, как я отрывал у них ноги, крылышки и головы, и сказал только, что они мерзкие твари и чтобы я не запачкал панталон. А дядя Робсон тоже смотрел, и засмеялся, и сказал, что я молодец.

— Но что сказала бы твоя мама?

— А ей все равно! Она говорит, что красивых певчих птичек убивать жаль, но с гадкими воробьями, мышами и крысами я могу делать что хочу. Вот видите, мисс Грей, ничего дурного тут нет!

— А по-моему, есть, Том. И полагаю, что твои папа и мама по размышлению согласились бы со мной.

Мысленно же прибавила: «Пусть они говорят, что хотят, но пока ты под моим присмотром, я ничего подобного не допущу!»

Потом он потащил меня через лужайку посмотреть свои ловушки на кротов, а оттуда на задний двор посмотреть ловушки на ласок, в одной из которых, к вящему его восторгу, оказался мертвый зверек, и дальше на конюшню посмотреть — нет, не выездных лошадей, а маленького косматого конька. Это его лошадь, сообщил он мне, и он начнет ездить на ней, как только ее научат ходить под седлом. Я старалась доставить удовольствие мальчугану и слушала его болтовню со всем возможным терпением, так как решила завоевать его привязанность, если только он способен к кому-нибудь привязаться. А вот тогда со временем я сумею помочь ему исправиться. Однако я тщетно старалась обнаружить ту благородную, возвышенную душу, о которой говорила его маменька, хотя ему нельзя было отказать в известной живости ума и сообразительности, когда ему было угодно ими похвастать.

Мы вернулись в дом перед самым чаем. Мастер Том сообщил мне, что папа в отъезде, а потому

Содержание

Глава I. Дом при церкви	5
Глава II. Первый урок в искусстве воспитания	23
Глава III. Еще несколько уроков	34
Глава IV. Бабушка	50
Глава V. Дядюшка	63
Глава VI. Снова дома	73
Глава VII. Хортон-Лодж	81
Глава VIII. Первый бал	102
Глава IX. Бал	107
Глава X. Церковь	114
Глава XI. Бедняки	122
Глава XII. Ливень	142
Глава XIII. Первоцветы	148
Глава XIV. Пастырь прихода	159
Глава XV. Прогулка	179
Глава XVI. Замена	190
Глава XVII. Признания	196
Глава XVIII. Мирты и траур	211
Глава XIX. Письмо	225
Глава XX. Прощание	230
Глава XXI. Пансион	238
Глава XXII. Эшби-Парк	247
Глава XXIII. В парке	259
Глава XXIV. У моря	265
Глава XXV. Заключение	273

Літературно-художнє видання

БРОНТЕ ЕНН

Агнес Грей

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 27.12.2019.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Mysl». Ум. друк. арк. 15,12.
Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, г. Харків, ул. Б. Хмельницького, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

БРОНТЕ ЭНН

Агнес Грей

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 27.12.2019.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Mysl». Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Юна Агнес вимушена шукати роботу, щоб допомогти своїй родині. Скромна та сором'язлива, дівчина бачить своє покликання у вихованні дітей. Агнес стає гувернанткою в заможній сім'ї. Розпечені діти лякають дівчину своєю бездушністю. Але в неї немає вибору, окрім того щоб змиритися і працювати далі попри все. Одного разу в місцевій церкві Агнес знайомиться з молодим священником, Вестоном. Його слова народжують у ній невідомі раніше почуття. Однак невдовзі дівчина змушена покинути рідний край. Вестон розуміє, що, відпустивши її, ризикує втратити назавжди. Якщо тільки доля не дасть їм шансу зустрітися знову...

Бронте Е.

В88 Агнес Грей : роман / Энн Бронте ; пер. с англ. И. Гуровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-7612-3

Юная Агнес вынуждена искать работу, чтобы помочь своей семье. Скромная и застенчивая, девушка видит свое призвание в воспитании детей. Агнес становится гувернанткой в богатой семье. Избалованные дети ужасают девушку своим бессердечием. Но у нее нет выбора, кроме как смириться и продолжать работать, несмотря ни на что. Однажды в местной церкви Агнес знакомится с молодым священником, Уэстоном. Его слова рождают в ней неведомые ранее чувства. Но вскоре девушка вынуждена покинуть родные края. Уэстон понимает, что, отпустив ее, рискует потерять навсегда. Если только судьба не даст им шанса встретиться снова...

УДК 821.111

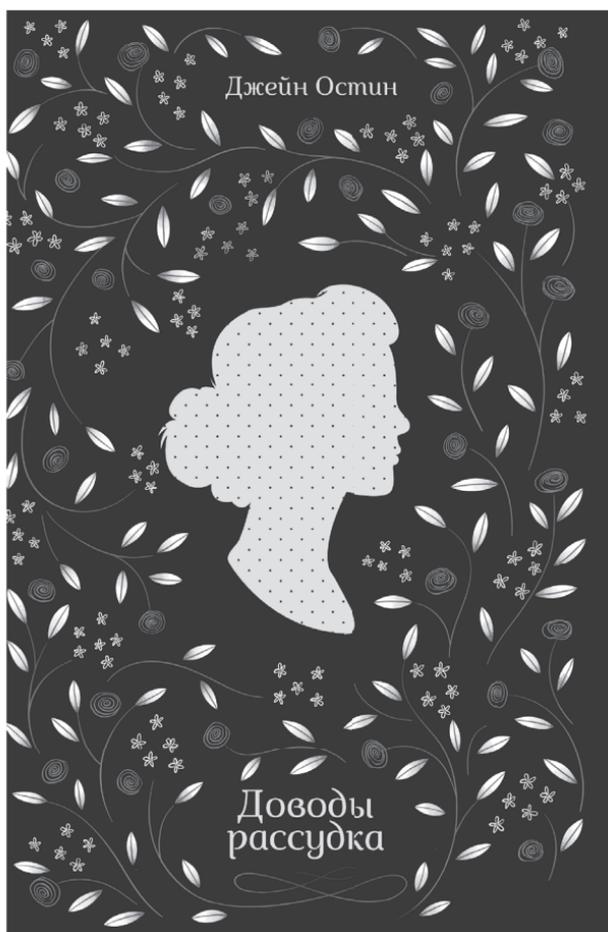

«Грозовой Перевал» находится в списке «200 лучших книг по версии ВВС». Главная романтическая книга всех времен, ставшая эталоном английской классической литературы и завоевавшая любовь миллиардов читателей по всему миру. Роман был неоднократно экранизирован.

Легендарная история о всепобеждающей силе любви, над которой не властны ни старость, ни забвение. Впрочем, как и над бессмертным шедевром Эмили Бронте.

Фанни — девушка из бедной семьи. Но ее тетушка, которая в свое время удачно вышла замуж за баронета Томаса Бертрама, приглашает племянницу пожить у себя. Роскошное поместье Мэнсфилд-парк — словно сказочный мир. Но его жители не принимают девушку в свой круг. Разве место беднячке среди аристократов? Однако сердцу не прикажешь: Фанни влюбляется в юного кузена Эдмунда Бертрама. Есть ли будущее у ее чувств? Все может случиться в поместье Мэнсфилд-парк...

Энн Эллиот, дочь состоятельного сэра Уолтера, была красива и умна. Она могла бы познать счастье в браке с благородным лейтенантом Фредериком Уэнтуортом. С ним ее связывало глубокое и сильное чувство. Но лейтенант был беден, и девушка уступила благоразумным доводам семьи и отказала ему. Прошло восемь лет, но сердце Энн хранило светлую любовь к Фредерику. Каждый день она вспоминала прекрасные черты лица, его слова... И вот спустя столько лет Энн и Уэнтуорт встречаются вновь. Фредерик изменился, стал капитаном и состоятельным человеком. Сохранил ли он в своем сердце любовь к Энн? Или чувства навсегда остались в прошлом?..